

С этого дня Юй Сингэ начал замечать, что Чэн Цзие его избегает.

Слово «избегать», пожалуй, было слишком громким: внешне отношение Чэн Цзие почти не изменилось, во всяком случае, посторонний глаз ничего бы не уловил.

Например, принесенные Юй Сингэ завтраки Чэн Цзие раз за разом вежливо возвращал. Стоило спросить — с самым невозмутимым видом заявлял, что сидит на диете. Юй Сингэ, который сквозь одежду прекрасно видел очертания стального пресса, лишь кривил губы, но причину принимал. Раньше они часто бродили по магазинам винила в свободные от выступлений вечера, теперь же Чэн Цзие всякий раз находил повод отказаться. Плющ на балконе второго этажа старой жилой трехэтажки по-прежнему густо зеленел, но в сизых сумерках под ним больше никто не стоял за тихим разговором.

Или взять концерты. Чэн Цзие стал невероятно занят как перед выходом на сцену, так и после шоу. Времени не оставалось даже на короткую беседу. Мельком заглядывая в гримерку, Юй Сингэ видел лишь, как этот красивый брюнет молча стоит у стены, прислонившись к шкафу. Между его пальцев курился сигаретный дым, медленно поднимаясь к потолку, а сам он выглядел холодным и до странного опустошенным.

Когда Юй Сингэ пытался заговорить, Чэн Цзие, прежде совершенно не заботившийся о границах, теперь демонстративно держал дистанцию — аккуратно в два плеча. Все его реплики сделались сухими, сугубо деловыми.

Слова брюнета дышали холодом, и лицо кудрявого юноши с каждым разом становилось все более растерянным.

Конечно, сильнее всего эта холодность ранила самого Чэн Цзие.

Но он лишь держал сигарету, безучастно отвернувшись в сторону, словно ничего не замечая.

Ли Гу, чуткий басист их группы, почуял неладное почти сразу вслед за виновниками разлада. Расспрашивать Чэн Цзие напрямую было неловко, поэтому он принялся кружить вокруг Юй Сингэ, то и дело наводя разговор на скользкую тему.

Но Юй Сингэ оказался истинным мастером увиливания. На все вопросы он лишь уставлялся на Ли Гу своими ореховыми глазами и с самым искренним недоумением качал головой — мол, сам без понятия.

Басист ненадолго замолчал, смерив Юй Сингэ долгим оценивающим взглядом раскосых темных глаз.

В этот момент Чарльз — единственный, кто имел полное право заявить, что ни черта не смыслит в происходящем, — утащил Ли Гу смотреть какую-то новую пластинку. Ли Гу отнекивался, но спорить с барабанщиком было бесполезно. Перед тем как скрыться за дверью, он тихо проворчал, однако Юй Сингэ успел расслышать его слова:

— Да вылитый наш с женой бойкот, когда мы в контрах.

Юй Сингэ едва сдержал улыбку, поспешно прикрывшись стаканом с водой.

Чарльз, не расслышав реплику, сунулся было к басисту с расспросами, но Ли Гу лишь отмахнулся, мол, ерунда. Барабанщик тут же бесцеремонно сгреб его за плечи и уволок дальше. Их смеющиеся, дурачащиеся фигуры скрылись из виду, а в глубине карих глаз Юй Сингэ отражение их спин медленно растаяло.

Парень опустил взгляд, и улыбка сошла с его лица.

«Поди разбери, что творится в голове у этого главного героя, — подумал Юй Сингэ. — Впрочем, Чэн Цзие по природе своей соткан из загадок. А загадочные люди манят сильнее всего, заставляя лететь на пламя подобно мотылькам»

И ведь ему чертовски нравился этот характер.

К тому же...

Юй Сингэ легонько щелкнул по краю стеклянного стакана. Раздался чистый, тонкий звон. Он поставил воду обратно на стол.

Он ведь прекрасно понимал, что крылось за всеми этими переменами.

Лето в Цичэне стояло невыносимо душное. В окрестных спорт-барах крутили матчи чемпионата мира: пиво лилось рекой, повсюду пестрели гирлянды, и после финального свистка вопли ликующих болельщиков наконец затапливали улицы. Ветер доносил эти звуки сквозь густую листву деревьев, но в репетиционной они казались далеким, приглушенным гулом.

Они только что закончили обкатку новой песни. Чэн Цзие писал потрясающие баллады о любви. Чарльз тут же шутливо заметил, что и внешностью, и голосом вокалист походит на прожженного сердцеда, сменившего не один десяток пассий. На этих словах даже Юй Сингэ с любопытством повернулся к нему.

Чтобы писать столь проникновенные стихи...

Чэн Цзие бросил ленивый взгляд на белобрысого барабанщика и тихо рассмеялся:

— Это называется высокой культурой чувств и эрудицией.

Туманная дымка, окутывавшая его в последние дни, на миг рассеялась, и лицо вокалиста приняло прежнее, спокойное выражение.

Его небрежный ответ развеселил команду. Даже всегда серьезный Чэнь Цин понимающе хмыкнул.

Юй Сингэ посмотрел на вокалиста. Их взгляды встретились лишь на долю секунды — Чэн Цзие тут же поспешно отвернулся, принявшись изучать простецкий стеклянный стакан на столе с таким видом, будто тот был произведением искусства.

Юноша растерянно замер. Он хотел было что-то сказать, но Чарльз, отсмеявшись, со свойственной ему бесцеремонностью навалился ему на плечо и заглянул в лицо:

— Высокая культура чувств, значит? Да-а, похоже, мне ее катастрофически недостает.

Юй Сингэ охотно подыграл другу и с самым серьезным видом произнес:

— Тебе полезнее будет просто завести парочку романов.

Чарльз мгновенно надулся:

— Смеешься надо мной?!

В ответ на это праведное возмущение барабанщика, чья личная жизнь оставляла желать лучшего, Юй Сингэ лишь сочувственно и веско кивнул.

Пока они шумели и дурачились, Чэн Цзие молча подвинул стакан с водой подальше от края, откуда тот мог легко соскользнуть. Опустив руку, он неосознанно сжал пальцы в кулак и опустил ресницы.

Стекло переместилось из зоны ярких солнечных лучей в густую тень, но по глади воды все еще расходились мелкие, дрожащие блики.

«Это бессмысленно, — подумал он. — И все равно я продолжаю бежать»

На его губах заиграла едва заметная, горькая усмешка.

Шум и гам в репетиционной улеглись лишь к сумеркам. Когда пришло время складывать инструменты, Юй Сингэ копошился дольше всех. Чарльз, уже закинув рюкзак на плечо,

удивленно обернулся:

— Ты чего плетешься?

Обычно Юй Сингэ бежал к выходу в первых рядах — они частенько устраивали шуточные бои за самый сочный кусок жареного мяса в тарелке.

Последние лучи закатного солнца медленно таяли на полу. В сумеречной репетиционной Юй Сингэ молча качнул головой.

— Ну, как знаешь, — Чарльз перехватил лямку рюкзака и пошел догонять Ли Гу.

Чэн Цзие тоже остался. Он стоял у окна спиной к заходящему солнцу; в сгущающихся тенях силуэт вокалиста казался нерезким, а лицо оставалось скрыто полумраком. Он явно колебался.

Юй Сингэ, сделав вид, что увлечен уборкой, продолжал неторопливо протирать и складывать аппаратуру.

Когда Юй Сингэ принялся по второму кругу протирать и без того чистые кабели, Чэн Цзие наконец отвел от него свой странный, нечитаемый взгляд.

Их внезапно ставший нелюдимым вокалист явно не собирался пускаться в объяснения. Он молча потянулся к двери.

Юй Сингэ вовремя прервал его молчание:

— Поужинать не хочешь?

Рука Чэн Цзие замерла на круглой ручке двери. Он ответил, не оборачиваясь:

— Не стоит, иди один. Мне еще нужно вернуть пластинки.

Он искусно балансировал на грани дружелюбия, но в его тоне сквозило вежливое отчуждение. Будь Юй Сингэ чуть менее проницателен, он бы ни за что этого не почувствовал.

Юй Сингэ вздернул брови.

«Ну уж нет. Так не пойдет»

Чэн Цзие тем временем толкнул дверь и вышел на лестничную клетку. Его шаги звучали

удивительно тихо. Спускаясь по ступеням, он убрал руку с перил и только сейчас заметил, что ладонь стала влажной от пота.

Он прекрасно понимал, что Юй Сингэ сейчас недоумевает и, возможно, винит во всем себя. Но Чэн Цзие не мог найти в себе сил сказать ему простую вещь.

«Ты ни в чем не виноват»

Это не было виной Юй Сингэ. Ему просто не хватало мужества открыться. Он не мог заставить себя произнести это вслух.

Пыльный воздух старого подъезда пах известкой и сухим бетоном. Чэн Цзие глубоко вздохнул, чувствуя, как этот запах оседает в горле.

«Нужно просто держать дистанцию. Еще немного — и все встанет на свои места. Я останусь вокалистом, он — гитаристом. Мы будем просто коллегами. Обычными приятелями, которые не думают о том, каково это — целовать друг друга»

Чэн Цзие сжал пальцы в кулаки так, что побелели костяшки.

Мягкие темные волосы скользнули по виску, косой луч уходящего солнца позолотил плечо. Он опустил ресницы.

И все же он продолжал думать о Юй Сингэ. В этом сияющем, полном жизни парне было нечто такое, что заставляло смотреть на него не отрываясь.

В его карих глазах вечно плясала мягкая усмешка. Смотря в них, хотелось только одного — обнять его прямо здесь, в золотых лучах заката, и поцеловать.

Собственные чувства, безжалостно освещенные этим солнцем, загнали его в тупик. После стольких дней бегства реальность встала перед ним во весь рост, вынося суровый вердикт:

«Ты пропал»

Он и сам не понимал, в какой момент все полетело под откос.

Любовь вынесла приговор без права на обжалование.

В горле Чэн Цзие встал тяжелый комок.

«Еще немного дистанции. Совсем чуть-чуть. Иначе ему тоже будет плохо»

Закат казался припыленным. Терзания Чэн Цзие так и не достигли адресата — Юй Сингэ по-прежнему не представлял, какие бури бушуют в душе его брюнета-вокалиста.

По ту сторону закрытой двери гитарист подпер бедром стол и задумчиво уставился на заходящее солнце.

Оно пылало так неистово, словно проживало последнюю секунду перед смертью.

Юй Сингэ сменил позу, оперевшись локтем о подоконник. Серебряная зажигалка привычно заскользила между его пальцев, пуская блики на темную деревянную раму.

События последних дней развивались совсем не так, как он предполагал. Поначалу Юй Сингэ даже не думал, что все пойдет так далеко. Он прекрасно улавливал флюиды, исходящие от Чэн Цзие, но в них примешивалось нечто гораздо более сложное, чем обычная симпатия.

Не имея возможности заглянуть в чужую голову, он терялся в догадках.

«Его явно зацепило. Так почему он пятится назад?»

Взять хотя бы эти его взгляды — обжигающие, жадные, пока он думает, что Юй Сингэ занят делом, но мгновенно тускнеющие и ускользающие, стоит повернуться к нему.

Чэн Цзие старательно избегал встречаться с ним глазами, да и вообще пресекал любые контакты, выходящие за рамки сухих диалогов.

«Может, я перегнул палку? Вдруг этот каноничный натурал с уклоном в сурового протагониста испугался напора и теперь просто испытывает ко мне глухое неприятие?»

Он подпер щеку ладонью, погружившись в размышления.

Да и сам этот взгляд... В нем читалось нечто совершенно непривычное. То не была грязная похоть хищников, мечтающих затянуть его в свой омут, но и чистым, безмятежным чувством это назвать было нельзя. Всё казалось гораздо глубже.

Юй Сингэ, никогда не претендовавший на лавры великого сердцееда, тихо вздохнул, в очередной раз убедившись, какая же загадочная штука — душа этого вокалиста.

Летнее небо никак не могло окончательно погаснуть, обдавая комнату душным жаром. Вечно жизнерадостный парень так и не сумел отыскать разгадку. Он вздохнул и досадно взъерошил свои кудри.

Волосы были мягкими и приятными на ощупь, так что он с удовольствием запустил в них пятерню еще раз.

«Как бы то ни закрутилось, нужно хотя бы вернуть наше общение в прежнее русло»

Юй Сингэ опустил руку и выглянул в окно. Высота пятого этажа не казалась пугающей. На бетонных козырьках нижних балконов пробивалась дикая трава, чьи сухие стебли уныло колыхались под порывами ветра.

Будь это второй этаж, он бы легко спрыгнул вниз без всякого вреда для себя, но с пятым такие фокусы не проходили.

Гитарист в очередной раз вздохнул, глядя на догорающий закат.

Напоследок крутанув в пальцах зажигалку, он спрятал ее в карман и вышел в коридор. На лестничной клетке царила гулкая пустота. Чэн Цзие и след простыл.

Юй Сингэ засунул руки в карманы и уже двинулся вниз по ступеням, как вдруг замер. Ключи от репетиционной базы! Они ведь остались у Чэн Цзие, а тот в спешке забыл их отдать.

Да и сам он хорош — напроць об этом забыл.

Замок на двери их студии стоял специфический: без ключа его нельзя было ни запереть изнутри, ни закрыть снаружи.

Чэн Цзие упоминал, что собирается вернуть пластинки. Их хозяин, старый владелец книжного магазина на углу улицы, был давним знакомым Юй Сингэ.

Гитарист развернулся и поспешил на поиски своего беглого вокалиста.

<http://bllate.org/book/18241/1765492>